

УДК 340

**ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ И
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК КУБАНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА В 1917-
1980-е гг.**

Масюков Николай Александрович
к.п.н., доцент
*Институт международного права, экономики,
гуманитарных наук и управления им. К.В.
Россинского, Краснодар, Россия*

В статье исследуются процессы трансформации традиционной политической культуры сельского населения Кубани в годы социалистического эксперимента XX столетия

Ключевые слова: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСТВА, КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО, ГРАЖДАНСКИЕ ЦЕННОСТИ

UDC 340

**CIVIL VALUES AND POLITICAL SHAPE OF
KUBAN COSSACKS AND PEASANTRY IN 1917-
1980**

Masjukov Nikolaj Aleksandrovith
Cand.Law.Sci, associate professor
*Institute of International Law, economics,
humanities and management of
KV Rossinsky, Krasnodar, Russia*

In this article, the processes of transformation of traditional political culture of agricultural population of Kuban in days of socialist experiment of XX century are investigated

Keywords: POLITICAL CULTURE OF PEASANTRY, KUBAN COSSACKS, CIVIL VALUES

Рассматривая поставленную научную проблему, следует в первую очередь отметить, что особенности общественно-политической жизни Кубани к началу XX в. определяла, с одной стороны, специфическая система ценностей казачества – военно-служилого сословия, сохранившего черты демократического устройства. Являясь «государственниками», неся службу «за веру, царя и отечество», испытывая почтение к сильной власти, казаки требовали от нее справедливости. Не случайно, столкновения с властью, борьба за «правду» прошли через всю его историю. Незрелость политических представлений казачества обусловила их неустойчивость и противоречивость, актуализировав «особость» казачьего социума. Поэтому другой важнейшей чертой общественно-политической реальности на Кубани стал конфликт казаков и иногородних крестьян. Эти факторы особенно ярко проявились после краха монархии.

Заявляя о поддержке Временного правительства, станичные сходы исключали из сословия (из числа почетных «казаков», «стариков») сановников, непопулярных войсковых начальников, требовали единения казачества, созыва Казачьего круга и т.д. [1] С возвратом на Кубань фронтовиков, популярность здесь получили и «левые» идеи: «Вначале

советской власти поверили и считали, что она знаменует собой начало казацко-мужицкого царства» [2].

В силу неразвитости политической культуры казаков и крестьян, в сознании и поведении этих сословий сочетались противоположные установки, что придало происходившим в регионе процессам непредсказуемый характер. Так, органы НКВД фиксировали: «вслед за окончанием активных военных действий, Советская власть пользовалась исключительными симпатиями среди казачьего и не казачьего населения» [3]. Однако политика конфискаций, расказачивания, репрессий быстро дискредитировала власть, решившую принять «меры к уничтожению контрреволюционного настроения» [4].

На практике это вылилось в широкомасштабные военные действия, по своему размаху вряд ли уступавшие знаменитой «антоновщине». В данной связи процесс становления новой власти на территории региона в 1920-1922 гг. носил характер «выборочной» советизации. В частности, Кубано-Черноморским ревкомом в протоколе № 125 заседания от 19 октября 1920 года, постановил: «В виду того, что общее положение на Кубани в связи с выступлениями бело-зеленых банд и недавним десантом Врангеля не дает возможности приступить к немедленному и сплошному осовечиванию, признать необходимым советизацию выборочную лишь в местах, где по объективным условиям она осуществима и желательна» [5].

Тем не менее, несмотря на крайнюю конфликтность становления советской власти в регионе, население, в целом, ориентировалось все же на мирную работу при стабильной власти. О немалом энтузиазме населения и местных работников, связывавших позитивные перемены с укреплением порядка, властных структур, свидетельствуют данные по всем отделам области. В частности, «Известия» Ейского отдельского исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, отдельского комитета РКП и отдельского бюро профсоюзов обращаясь к

населению отдела в передовой «К перевыборам станичных советов» и сообщая о том, что «с 20 по 30 ноября по всему Ейскому отделу будут произведены перевыборы станичных и хуторских Советов, после которых будут проведены отделские, потом областные и губернские съезды переизбранных Советов», довольно «неполитично» призывала: «Стройте хозяйственные советы!» [6]. В данном призыве, на наш взгляд, кроется основное требование крестьянского и казачьего населения к власти, которая оценивается, прежде всего, с точки зрения способности к эффективному хозяйствованию.

Нельзя не признать, что эта установка диссонировала с приоритетами большевистской власти, все в большей степени ориентированной на достижение чисто политических целей, причем зачастую вульгаризованных, связанных с противопоставлением казачества и крестьянства, комплектованием органов власти, прежде всего, коммунистами и иногородними.

Как следствие, отношение к власти большевиков в массе казачества, а в немалой степени и крестьянства, было крайне сложным. К примеру, как следует из свидетельства очевидцев, в станице Куцевской Ейского отдела выборы протекали следующим образом. «Была назначена предвыборная комиссия в составе 3-х человек, которые предложили нашему Союзу дать 13 кандидатов в Совет, что и было нами выполнено, но беда в том, что кандидатов дали только организации, а граждане дали только рожки да ножки, но ни одного кандидата, так как их не спрашивали об этом, а когда настал день выборов, то гражданам преподнесли только готовый список и предложили им утвердить, когда же граждане стали протестовать, то им предложили замолчать и пообещали всех тех, кто производил протест посадить в собачий ящик. Спрашивается: где же свобода слова, свобода собрания, свобода выборов на основании всеобщего равного голосования. А у нас в Куцевке этого нет, получилось совсем наоборот, - собрали

Ревком и кварталы, открыли собрание, прочитали собравшимся список, а когда граждане начали добиваться свободных выборов, то собрание закрыли и не нашли даже нужным баллотировать. ... Такие выборы поставили население в тупик и избранный Совет не только должен пользоваться доверием, но полным презрением народа. Где же эта святая идея свободы, тебя исковеркали и изувечили, и постыдно попрали ногами» [7].

Даже руководители Кубано-Черноморской области признавали: «Беспартийные крестьяне и беднота, красноармейцы предлагают заменить некоторых беспартийных другими, ничуть не худшими, нежели те, которые выставлены коммунистами. Коммунисты упираются: никаких разговоров, список выставлен и извольте голосовать... В состав волостного съезда Советов входят по существу советские чиновники. Получается вместо широкого представительства - ..., какой-то ублюдочный орган» [8].

В итоге, несмотря на победу и в «малой гражданской войне», большевики вошли в конфронтацию с широкими слоями сельского населения Кубани. К примеру, в 1922-1925 гг. они считали неприемлемым даже то, что «в состав Советов влился значительный процент середняков, которые по своей психологии ближе к кулачеству, чем к деревенской бедноте» [9]. Результатом торжества отмеченного подхода стало резкое падение активности избирателей.

При этом в станицах, где Советы фактически не избирались, а назначались, режим большевиков считался «властью иногородних». Причем и сами коммунисты признавали, «что в глазах населения члены партии вообще не имеют авторитета», а «избранный Совет не только не должен пользоваться доверием, но полным презрением народа» [10]. Лишь в 1925/26гг. население смогло отчасти реализовать стремление к активному участию в общественной жизни. Однако допустив относительно свободное

политическое самовыражение селян, большевики обнаружили невозможность сохранения эффективного контроля за ситуацией в регионе.

Характерным может являться пример станицы Старовеличковской. По сообщению местных работников, в 1925-1926 гг. здесь сложилось нетерпимое положение: «В настоящее время казачество претендует на власть, оно нам прямо заявляет, как выяснилось на этой беспартийной конференции, что Вы наших кубанских условий не знаете, Вы пришли откуда-то с Тульской губернии и т.д., а поэтому разрешите нам избрать свою власть. Можно привести пример: на конференции присутствовали казаки и несколько хлеборобов крестьян. Президиум избирается, членов партии ни одного, а избирается бывший атаман, его помощник – один и второй помощник, четвертый – врангелевец, что же касается крестьян-бедноты, а также рабочих, которые присутствовали на конференции, - поступило предложение – бедноту отстранить от участия в конференции в виду того, что у них малое хозяйство и они в вопросах хлеборобов очень мало разбираются» [11].

Особенно резко избиратели выступали против практики возобновления заранее прописанных списков депутатов. Обращая внимание на ее неприемлемость, секретарь комьячейки ст. Старовеличковской Поповичевского района Левченко в письме от 11 января 1926г., направленном секретарю окружного комитета Баранову, считал данный вопрос «главным». Упрекая Баранова в непоследовательности, он выражал сомнение в целесообразности данной меры: «Население в своем большинстве против списков поднимает форменный протест и я, наконец, не могу все-таки себе представить, зачем они так необходимы эти списки, а ведь это директива Окружкома. По моему, вы не ясно себе представляете психологию масс, а ведь в брошюре «Кубанская станица на выборах» вы сами писали, что во время выборов при появлении кого-либо со списками не только уничтожались списки, а даже изгонялся тот, кто выставлял их.

...Не знаю, мы еще списков на будущих членов Совета не вывешивали, но наши казаки слышат, что в некоторых станицах уже вывешены и они возмущаются авансом вперед, а в ст. Поповичевской в некоторых районах получилось так: на активе общестаничном создали список... (а на собрании – авт.) присутствующие ...провалили с треском этот список, а уже после этого тут же выдвинули, что называется своих» [12].

В ряде случаев «При обсуждении кандидатур – хлебоборобы не давали высказаться за и против и кричали «голосуйте». Кандидатуры коммунистов, членов профсоюза, бедноты, иногородних – проваливались в большинстве случаев молчаливо, отводов им не давали. «Кто такой», «Мы его не знаем». На разъяснения в защиту, что тот или другой – рабочий, служащий, член профсоюза, - были возгласы: «рабочий, так пусть и работает на месте». На членов профсоюза – «пусть союз его и выбирает». По отношению к коммунистам: «это – тот, который с винтовкой ходил, довольно – наслужился». Этим самым выражали то, что сейчас их не нужно избирать. На перевыборах провалили состоящих ранее членами Совета этой же станицы – секретаря райкома (проводившего там перевыборы). На перевыборах проваливали не только коммунистов, и не только бедняков и рабочих, состоявших (бессменно с 20-го года) членами Совета, но и тех казаков-хлебоборобов, которые в практической работе доказали свою преданность Советской власти и правильное понимание советских законов» [13].

В итоге, неприемлемый для власти состав новых Советов, появление лозунгов «Кубань для кубанцев», «Земля казакам» и др. [14], обусловили отказ от данного курса уже в 1926-1927 гг. К концу 1920-х гг. это привело к полному подавлению политической активности населения. Так, 31 января 1929г. административный отдел Кубанского окрисполкома циркуляром №14 довел до сведения начальников административных отделов райисполкомов, что «одним из показателей авторитетности

Административно-Милицейских органов и работников Милиции и УГРО, в особенности, в станицах является факт выборов этих работников членами Советов». Выражая уверенность в том, что «выборы работников милиции в Советы дадут возможность увеличить и поднять авторитет органов и работников Милиции и УГРО», окружные управленцы указывали, что «этому политически важному моменту, очевидно, не всеми начальниками РАО было придано соответствующее значение и внимание» [15].

Как следствие, нереализованная потребность в участии в общественной жизни, с одной стороны, политическая индифферентность - с другой, надолго определили горизонты жизни кубанской станицы. Политически благонадежными кубанцы не считались и в дальнейшем, в 30-е гг., когда раскол власти и общества, в целом, сохранялся. При этом в начале 1930-х годов он максимально углубился в ходе кампании коллективизации, а затем нашел свое трагическое завершение в событиях 1933 года, фактически обескровивших Кубань на десятилетия.

Практики из ОГПУ проводили массовые карательные акции. Так, оценивая свою работу, вновь ставший первым зампредом ОГПУ, Г. Ягода в письме М. Горькому от 29 октября 1932г. писал: «Десять дней и ночей летал по степям и станицам кубанским. Казаки – народ крепкий, хитер уж больно – простачком прикидывается. Вот мы и поговорили с ним. Слов нет – умен. Хотел перехитрить, но не вышло». А в другом письме от 18 марта 1933г., подводя итоги, уже констатировал: «Бурная зима прошла... Враги как-то сразу вылезли из всех щелей, и фронт борьбы расширился как никогда. ...Сейчас, по-моему, кулака доби́ли, а мужичок понял, что если сеять не будет, если работать не будет, умрет, а на контру надежды никакой не осталось. Перелом в деревне большой, и я думаю, что повторения того, что было, больше не будет» [16].

В целом, «воспитание» социалистически близких элементов на Кубани в 30-е гг. базировалось на массовых репрессиях. Следствием репрессивной политики эпохи коллективизации стало утверждение массовой политической апатии кубанцев.

Конфликт власти и значительной части общества был снят лишь патриотическим единением в годы Великой Отечественной войны. Борьба с врагом на фронте и за его линией (к примеру, по краю сохранились данные на 5764 партизана) [17], бегство и уничтожение коллаборационистов, смягчение отношения власти к казачеству способствовали единению общества на новой основе. По сути, именно Отечественная война окончательно легализовала режим. В данном контексте, отношение селян к любой (даже гипотетической) политической нелояльности стало преимущественно отрицательным [18].

Впрочем, отмеченная тенденция оформлялась весьма трудно. Дело в том, что, в немалой степени из-за трагических событий революционной эпохи и коллективизации, масштабы коллаборационизма в крае были довольно значительными. Достаточно указать на то, что на оккупированных территориях активно действовали казачьи полицейские формирования, издавались многочисленные газеты и т.д.

Это же можно сказать и о политической индифферентности значительной части населения. Так, в справке УНКВД СССР по Краснодарскому краю указывалось: «При освобождении районов края часть полицейских и других предателей не успела отойти с немцами и образовывала первые бандформирования. В ряде районов бандгруппы образовывались из числа предателей, совершивших групповые побеги из арестных помещений РО НКВД ... Самой большой категорией, за счет которой пополнялись существующие бандгруппы, являются дезертиры... Сбор мобилизованных проводится так, что количество дезертиров и уклонившихся не падает, а возрастает. Так, в апреле только из числа

призывников 1926 года рождения и военнообязанных старших возрастов дезертировало... свыше тысячи человек. ... вокруг бандитов ... и их семей не создается общественного мнения, многие жители помогают бандитам, желая заручиться их милостью на случай возврата немцев»» [19].

Определенный отзвук в настроениях данной категории населения получили и моменты «защиты» народа от власти. В частности, в записках «бандитов» встречались требования, «чтобы люди в выходной день не работали и чтобы кормили хорошо народ ... если этого не будете делать, то мы вам все машины разобьем и с вами разделаемся» [20].

Однако уже к концу 1943 г. угроза возможного перерастания деятельности бандгрупп в повстанческое, носящее профашистскую направленность, движение в Краснодарском крае была полностью снята. При этом явившиеся с повинной и легализованные бандиты, в количестве 650 человек, в ноябре 1943 г. под видом мобилизации в армию были вывезены из районов постоянного проживания и подвергнуты фильтрации. В итоге 63 из них были арестованы, остальные переданы в штрафной батальон [21].

В целом, несмотря на имевшиеся проблемы, общий перелом в политических настроениях населения Кубани был очевиден, что доказали высокие темпы работ по восстановлению разрушенного войной хозяйства.

Общество еще более сплотили процессы возрождения, модернизации страны, смягчения режима в годы «оттепели», повышения уровня жизни, расширения гражданских свобод. В итоге, с одной стороны, вторая половина 50-х - начало 80-х гг. в жизни сельских тружеников Кубани явились временем нарастания пропагандистского пафоса. Политико-идеологическое воспитание стало рассматриваться как важнейший фактор подъема сельского хозяйства. Возрастала роль КПСС. В колхозах и совхозах наблюдался рост численности коммунистов (стали создаваться парткомы) [22].

Следует видеть, что рассматриваемый период был связан с общим изменением условий политической, культурной, духовной жизни советского общества. Уже на волне десталинизации произошло известное раскрепощение культурных процессов, появилась возможность более свободного самовыражения, в том числе, политического. При этом нередко оно было критическим. Осознание элементов несправедливости, в частности, хорошо прослеживается в письмах в журнал «Коммунист». Автор одного из писем, Алексин, адресовал его непосредственно работникам идеологического аппарата. Он писал: «Ваш конек - в Советском Союзе нет эксплуатации. А что это такое, если трудящийся годами не получает то, что заработал. Это и есть эксплуатация. Какие бы теории Вы не приводили. Что стоит расчеркнуться пером и сказать, что мы дошли до коммунизма, как сейчас расчеркнулись в социализме. А Вас, писак, заставят испачкать тонны бумаги и доказывать массам, что это подлинный коммунизм, извольте в это верить и перестроить свою идеологию. Все это миф!» [23].

Тем не менее, нельзя не признать, что общий климат в кубанской станице являлся благоприятным. Причем и политика КПСС в деревне уже в 50-х - 60-х гг. позволяла судить о качественных изменениях во внутриколхозных отношениях. В этот период ставилась задача широкого привлечения крестьян к решению всех основных вопросов колхозной жизни. Много уделялось внимания повышению роли общих колхозных собраний, собраний в бригадах и на фермах. Рассматривалась даже перспектива выборов колхозных руководителей тайным голосованием [24].

Однако на практике имелось достаточно много причин, которые не позволили реализоваться открывавшимся возможностям. В итоге, уже в силу крестьянской психологии нивелированная масса сельских тружеников,

как правило, жила «своим интересом», показывая разрыв между идеологическими догмами и ориентирами массового сознания.

На данном фоне, с одной стороны, крестьянство Кубани активно участвовало в созидательной жизни страны. И было бы нелепо принижать трудовой подвиг сельских тружеников лишь на том основании, что их имена в свое время попали в оборот партийной пропаганды. В то же время, в политической сфере, за разнообразием декларировавшихся форм и методов партийно-политической работы с трудом можно было различить реальное участие сельского населения в общественной и трудовой жизни. Рожденные партийным аппаратом «почины» и «инициативы» выдавались за творчество масс и тиражировались на районы и области. Отчужденность официально-протокольной партийной жизни от людей и их повседневных нужд по-прежнему сохранялась. Даже в высказываниях сельских коммунистов содержалось все более скептическое отношение к агиткампаниям.

Хотя противостояние режиму отсутствовало, растущий аполитизм («лишь бы не было войны»), письма, жалобы, скрытые формы протеста (портреты И. Сталина на лобовых стеклах машин в 70-80-е гг. и пр.) отразили идейный кризис. В 80-е гг. его усилили скудные материалы о «деле Медунова» и пр. В целом, идеи коммунизма в сознании крестьянства девальвировались.

Эрозия социалистической идеологии, общественная апатия получили свое логическое завершение в контексте провала программы «перестройки». На рубеже 1990-х гг. основная часть кубанцев поддержала демократические преобразования, однако быстрое углубление экономического кризиса, свидетельствовавшего о неспособности новой власти к эффективной хозяйственно-организаторской деятельности, в самый короткий срок привели к смене первоначальных настроений демократической эйфории.

В целом, изученные материалы позволяют утверждать, что наиболее значимыми чертами политической психологии кубанского казачества и крестьянства на протяжении всего рассматриваемого периода являлись, с одной стороны, высокая гражданственность, патриотизм, уважение к государственным началам, а с другой – ожидание от власти успешной работы в сфере хозяйственно-административной деятельности.

Литература.

1. См. напр.: ГАКК. Ф. Р-1259. Оп.1. Д.35. Л.10; Д.69. Л.2.; Ф.Р-6с. Оп.1. Д.10. Л.Л.134-135.
2. Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991. С.25.
3. ГАРО. Ф.Р-1185. Оп.1. Д.10. Л.Л.56-57.
4. ЦДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.152. Л.6.
5. ГАКК. Ф. Р-158. Оп.1. Д.51. Л.37.
6. Известия Ейского отдельского исполкома. 1921. 20 ноября.
7. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.24.
8. ЦДНИКК. Ф.1. Оп.1. Д.295. Л.113.
9. ГАКК. Ф.Р-581. Оп.1. Д.89. Л.5.
10. ГАКК. Ф. Р-699. Оп.1. Д.10. Л.60; Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.24.
11. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.117. Л.7.
12. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.253. Л.31.
13. ЦДНИКК. Ф.8. Оп.1. Д.253. Л.Л.19-20об.
14. ЦДНИРО. Ф.118. Оп.1. Д.180. Л.127; Ф.7. Оп.1. Д.595. Л.Л.556-557.
15. ГАКК. Ф.Р-383. Оп.1. Д.76. Л.58.
16. Цит. по: Соколов Б.В. Наркомы страха. Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. М., 2001. С.44, 44-45.
17. ГАКК. Ф.Р-4372. Оп.1. Д.17. Л.43.
18. См. напр. отношение к репатриантам: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп.2. Д.1819. Л.Л.8-9.
19. САФ ИЦ ГУВД КК. Ф.21. Д. 12. Л. 9.
20. САФ ИЦ ГУВД КК. Ф. 21. Д. 7. Л. 221.
21. ГАКК Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.
22. См.: Партийная жизнь. 1965. №10. С. 15.
23. РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
24. РГАСПИ. Ф.586. Оп. 1. Д. 59. Л.Л. 32-33.